

● REC

00:17:43:12

CAM 07

Ш О У Н А Д В О И Х

ЗАПРЕТНОЕ ЧУВСТВО

КНИГА 1

В Е Р А В О Л Ь Ф

18+

Вера Вольф

Запретное чувство

<https://litres.ru/74363569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думаете, что знаете всю правду о реалити-шоу? Забудьте. Глянцевая картинка на экране — лишь щит, за которым кипят страсти, рушатся контракты и плетутся заговоры, способные уничтожить любого, кто посмеет сказать правду в кадре.

Когда между участниками проскакивает искра, которую невозможно вырезать, игра меняет правила. Теперь на кону не победа в проекте, а доверие, которое не смонтировать за одну ночь.

Он — циничный игрок, привыкший никому не верить. Она — та, чью жизнь продюсеры готовы пустить под откос ради высоких рейтингов. Замкнутое пространство и фальшивый сценарий сталкивают их лоб в лоб.

Страстная драма и романтика на грани фола. Это первая книга серии, в которой продюсеры бессильны, потому что главный сценарий пишет сама Любовь. Прочти, чтобы узнать, что происходит, когда гаснут софиты.

Содержание

Глава 1. Вход в игру	4
Глава 2. Правила	14
Глава 3. Первый контакт	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Вольф

Запретное чувство

Глава 1. Вход в игру

Автобус затормозил так резко, что Марина ударилась коленом о переднее сиденье. Острая боль вспыхнула и тут же затихла, оставив тупое ноющее ощущение: здесь всё будет иначе, чем на презентациях.

Водитель, не оборачиваясь, ткнул пальцем в тонированное стекло:

— Приехали.

Виллы видно не было — только глухой бетонный забор, поверх которого в утреннем мареве маняще и угрожающе блестели лезвия колючей проволоки. Не декоративной. Настоящей: оцинкованная сталь в четыре ряда с шагом, сквозь который не проскользнула бы и крыса. Сценарист на брифинге обещал «загородный комплекс с элементами глэмпинга». Глэмпинг, черт возьми.

Марина прижалась лбом к прохладному стеклу, всматриваясь в щель между створками ворот. Никакого парка, никаких газонов — только асфальт с разметкой для съемочных групп, осветительные мачты в черном бархате и шлагбаум с охранником, не снимающим наушник.

Ты не в глэмпинг приехала, девочка. А в зону строгого режима.

Сжала лямку сумки и глубоко вдохнула, задерживая дыхание на пять секунд. Привычка из прошлой жизни, выручавшая перед сделками на семь нулей. Сейчас на кону стояло меньше денег, но куда больше личного: публичный образ, выстраиваемый три года, и контракты, готовые рухнуть от первой же трещины на идеальном фасаде.

Марина шагнула из автобуса. И сразу попала под свет — белый, стерильный, как в операционной. Софиты высасывали тени, делали кожу прозрачной и заставляли щуриться даже сквозь темные стекла. Марина сдернула очки, едва заметив свое отражение в панорамном окне: по ту сторону стекла парень с хлопушкой уже поднимал нумератор.

Добро пожаловать в ад, где у тебя даже тени нет, — подумала она.

Вместо этого она улыбнулась. Широко, безупречно, в тридцать два зуба. Та самая улыбка, которой она открывала презентации для инвесторов. Она знала, как выглядит со стороны: уверенная, привлекательная, с легким цинизмом в уголках губ. Эта маска стоила трех месяцев усердной работы с преподавателем по актерскому мастерству. И окупилась с первой же сделки. Теперь приходилось платить снова: на этом шоу улыбка обязана работать как безлимитная карта.

Вот только проценты по этому кредиту обещали быть драконовскими.

— Марина Воронцова! — голос Антона Руденко ударил из динамиков раньше, чем она увидела самого ведущего.

Он стоял за стойкой с логотипом шоу, но его лицо на боковых мониторах транслировалось с опережением в полсекунды. Задержка кадра рождала липкое ощущение раздвоения: вот живой человек поворачивает голову, а на экранах его двойник уже смотрит вбок. Марина сглотнула.

Руденко развел руки, обводя пустую площадку. Отточенный до автоматизма жест — широта, открытость, радушие. Но в глубине глаз мелькнула усталость, которую не спрятали ни грим, ни софиты. Впрочем, такие трещины замечает лишь тот, кто сам привык носить маску.

— Добро пожаловать в «Шоу на двоих»! Ты — одна из тех, кто рискнул пройти кастинг. Как ощущения? Страшно? Волнительно? Ты готова изменить свою жизнь?

Марина замерла точно на кресте из метчатого скотча. Режиссерская метка. Сделав шаг вперед, она намеренно оставила отметку за спиной — аккуратно, будто демонстративно переступала запретную черту.

— Абсолютно готова, Антон. Я здесь, чтобы выиграть.

Зал зашелся смехом. Закадровым. Синтетическая подложка гремела из боковых колонок — слишком ровная, без единого живого вздоха.

Фонограмма. Здесь нет зрителей. Только объективы.

Она насчитала одиннадцать камер: от «пина», втиснутого в плафон над головой, до тяжелой операторской тележ-

ки, бесшумно выкатившейся слева. Операторский кран пошел вниз, наводясь на крупный план. Марина заставила себя смотреть прямо в стекло. Смотреть в зрачок объектива — значит контролировать картинку. Правило простое: отвела взгляд — и на экране ты уже жертва, даже если внутри каменное спокойствие.

Руденко указующим жестом направил ее вглубь павильона — в длинный коридор, стены которого были обтянуты темно-серым звукопоглощающим войлоком.

— Тогда проходи. Твой личный продюсер уже ждет. И, Марина... — Он понизил голос до шепота, но петличный микрофон честно транслировал бархатный бас, отзывавшийся гулом в костях: — Мы будем следить за каждым твоим шагом.

В этом и проблема, — подумала она, переступая порог коридора. — Вы будете смотреть. А я буду считать. Считать ваши ошибки, ваши камеры, ваши слепые зоны. Потому что только так можно выиграть в игре, где правила написаны против тебя.

Мягкий войлок глушил шаги, оставляя лишь шум собственного дыхания и ровный гул кондиционеров. Воздух отдавал стерильной химией, пластиком и специфическим запахом свежераспакованной техники. Марина физически ощущала, как за стенами кишат провода, как под напольными панелями змеятся десятки километров оптоволокон, уносящие ее изображение в режиссерский пульт. Ее первую

фразу наверняка прямо сейчас раскладывают по частотам, очищают от шумов, подгоняют под нужный темпоритм.

Она вздрогнула, но тут же одернула себя: без паники, это бизнес. Ты здесь не за любовью. Ты пришла за рейтингом, контрактами и той свободой, которую не получила в корпоративном аду.

В памяти всплыл разговор с штатным юристом компании. Пролистывая в телефоне контракт, тот цедил: «Марина, ты с ума сошла? Это реалити. Там контролируют даже шаг в туалет. Ты потеряешь имя». Но она лишь ухмыльнулась: «Я не теряю имя, я инвестирую в него. После этого проекта меня узнает вся страна. Я стану брендом. И больше ни один босс не усомнится в моей ценности».

Шоу — мясорубка, перемалывающая людей в медиапродукты. Но любые правила можно обойти, а запреты существуют для непрофессионалов. Марина разобрала контракт с юристом буквально по буквам. Напрягал лишь один пункт: эксклюзивное право вещателя на финальный монтаж. Однако расчёт был прост: если не давать провокационного материала, монтажёрам будет не из чего лепить скандал. Она станет эталоном выдержки.

Она поймет, насколько заблуждалась, гораздо позже. А пока — Марина чеканила шаг по коридору и безошибочно посылала улыбки в вентиляционные решетки и стыки потолочных панелей, где прятались скрытые камеры.

Личный продюсер встретила ее у блока В. Девушка с фар-

форовым лицом и мертвыми глазами. На бейдже значилось имя «Ольга» и красовался эмодзи-смайлик, но сама Ольга не улыбалась. Она вела Марину дальше, заученно чеканя инструкции: распорядок дня, система бонусов за активности, штрафные санкции за агрессию и строжайшее табу на несанкционированные связи между участниками.

— Обрати внимание, — Ольга ткнула ногтем в экран планшета, указывая на пункт 14.4. — Любая интимная или романтическая связь — это незамедлительная дисквалификация и миллионный иск. У нас уже был прецедент.

Марина кивнула. Эту историю она изучила по слитым в сеть отчетам. Продюсеры сами спровоцировали роман пары в прошлом сезоне, выжали из их чувств максимум рейтингов, а затем жестко выставили обоих за дверь, заявив о нарушении регламента. Грязная игра. Впрочем, влюбляться Марина не планировала. Она пришла за победой.

— Я умею читать контракты, Ольга, — чеканно ответила Марина. — И не привыкла смешивать личное с бизнесом.

Ольга одарила ее взглядом, в котором усталый скепсис смешивался с полнейшим равнодушием.

— Через два часа — общий сбор и знакомство. Сейчас у тебя есть время занять комнату и сдать связь. Смартфоны на территории запрещены.

Марина рассталась с гаджетом без сожалений. Подготовка была полной: соцсети почищены, резервные копии сохранены. Полная информационная изоляция казалась даже плю-

сом — ничто не отвлекало от контроля над ситуацией.

Минуя инженерный пост, Марина бросила короткий взгляд на режиссерскую панель. На одном из мониторов крупным планом шло ее собственное лицо. Кадр был сделан секунду назад скрытой камерой. Марина сжала зубы: на экране она выглядела растерянной, сбитой с толку, уязвимой. Совсем не той уверенной бизнес-леди, которую демонстрировала Руденко. Такой ее не видел никто. Даже зеркало.

— Не возникает чувства, что они пишат даже твой каждый вдох? — тихо, будто в пустоту, произнесла она.

Ольга не обернулась:

— Здесь нет приватности. Привыкай.

За поворотом открылась дверь с надписью «Служебный блок. Зона без камер». Марина с облегчением выдохнула. Наконец-то можно сбросить маску.

Но расслабляться было рано. Впившись взглядом в стыки потолочных панелей, она быстро нашла то, что искала: за декоративной вентиляционной решеткой ровно и немигающе горел красный глаз объектива.

Запись идёт.

Марина подавила импульс отвернуться или дать волю бранной речи, хотя внутри все сковал ледяной ком. Замрев на пороге, она набрала полный воздух легких, медленно обернулась к решетке и натянула ту самую фирменную улыбку. Но теперь за безупречным фасадом проступала лютая злость. Пусть монтажеры подавятся: в кадре будет самообла-

дание, а не растерянность.

Но мысли уже мчались на предельной скорости: они писали все. Каждый вдох, каждую секунду слабости, весь разговор с кукольной Ольгой. Они вскрыли ее до выхода на площадку. А значит, слили настоящую. У них на руках весь материал, чтобы слепить из нее любую жертву или стерву.

По спине прошел озноб. Стратегия полного контроля трещала по швам. Нельзя контролировать то, чего ты не видишь.

Она отвела взгляд от объектива — и тут же плазменная панель над стойкой, казавшаяся интерьерной декорацией, ожила и выдала картинку.

На мониторе возник мужчина. Он находился в другом крыле — судя по кожаным диванам и бутафорским книжным полкам, в общей гостиной. Он стоял, опираясь руками на спинку дивана, и неподвижно смотрел прямо в объектив.

Он просто смотрел.

Марина узнала его мгновенно. Максим — фаворит букмекеров и главный претендент на победу. Человек с внешностью, которую хочется рассматривать детально: скульптурная челюсть, небрежные темные пряди на лбу и стальной, почти прозрачный взгляд. На промо-снимках он выглядел глянцевым картинным красавчиком. Сейчас же перед ней стоял совсем другой человек — уставший, жесткий, повзрослевший. И его взгляд был нацелен не в пространство. Он смотрел точно на нее.

Он смотрел сквозь стены и километры проводов. Словно знал о ее растерянности перед скрытой камерой секунду назад. Он являлся частью этой цифровой тюрьмы, но смотрел не как надзиратель, а как соучастник.

В его взгляде не было привычного для игроков азарта: ни оценки соперника, ни желания подавить, ни вызова. Только странная, почти тревожная тишина в его глазах.

Внутренняя броня рухнула, обнажая незащищенное нутро. Экран транслировал его в реальном времени, и этот прямой визуальный контакт был единственной живой вещью в стерильном павильоне. Они смотрели друг на друга не в камеру — они смотрели сквозь систему.

Ольга рядом что-то чеканила про наряды для вечернего эфира и расписание. Марина ее не слышала.

Этот мужчина был единственным, кто видит в ней не персонажа шоу, а живого человека. И этот искренний взгляд пугал куда сильнее скрытых микрофонов и жестких пунктов контракта. Потому что когда тебя видят настоящую, ты теряешь контроль. Ты становишься уязвимой.

Она отступила к своей двери, не разрывая контакта. В последнюю секунду перед тем, как створка заблокировалась, Максим едва уловимо приподнял бровь. Этот жест читался без слов: *«Я знаю. Я тоже в этой ловушке»*.

Дверь защелкнулась. В углу продолжал ровно гореть красный диод. Марина сползла по холодной стене и закрыла глаза.

Вход в игру завершен. Начинается сама игра. И первый раунд контроля над собой она уже проиграла.

Глава 2. Правила

Общая гостиная встретила Марину стеной света. Софиты на подвижных потолочных фермах били под таким углом, чтобы выжечь любую тень. Она вошла, мгновенно ощутив себя экспонатом в стерильной витрине: ни затемненных зон, ни единого угла, где можно укрыть взгляд. Только кожаные светлые диваны полукругом, стеклянный столик с планшетами и пятеро участников, застывших в разных позах — от показной вальяжности до предельного напряжения.

Марина заставила себя не считать камеры. Бесполезно. Их здесь набралось бы больше двадцати: вмонтированные в стены, свисающие с потолка, спрятанные за зеркалами и вазами. Марина высчитывала их по черным точкам зрачков, бликам на линзах и едва уловимому повороту объективов вслед за движениями. Оператор в углу — парень с серьгой в ухе — поправил наушник и едва заметно кивнул Марине. Она ответила короткой улыбкой, но внутри все сжалось: ее писали с первой же секунды на площадке.

— Марина! — голос Антона Руденко раздался из-за стойки. Идеально сидящий темно-синий пиджак, расстегнутый ворот рубашки, отсутствие галстука — безупречный образ расслабленного профессионала. — Проходи, знакомься. Ты замыкающая. Остальные уже в сборе.

Шаг в центр полукруга. Пять пар глаз скрестились на ней:

две женщины и трое мужчин. Марина пробежала по ним взглядом, автоматически раскладывая по типажам. Блондинка с кукольным лицом улыбалась слишком широко — явно знала свои рабочие ракурсы. «Активистка». Рядом — коренастый брюнет с короткой стрижкой. Сканирующий, оценивающий взгляд. Никита. Марина помнила его по предсезонным анкетам: отличная физуха, но харизмы в обрез. Чуть отдалась — брюнетка с тугим пучком. Скрестив ноги, она гипнотизировала взгляд в пол, пытаясь слиться с интерьером. Софья. И мужчина старше остальных — бледный, в тонкой металлической оправе, выглядевший так, словно случайно перепутал двери и попал на чужую вечеринку. Денис.

И Максим.

Он сидел на крайнем диване слева. Когда он поднял голову, его серые глаза на секунду зафиксировали ее. Без улыбки, без кивка. Просто отметили объект в пространстве — и снова опустили к планшету в руках.

Факт отпечатался в уме: *странно*. Остальные фонили любопытством или настороженностью. Максим же не выдал ничего. Будто она была лишь очередным предметом обстановки.

Руденко звонко хлопнул в ладоши:

— Отлично, команда в сборе! Я — Антон Руденко, ваш проводник в этом эксперименте. Но давайте сразу зафиксируем базовые вещи. — Он очертил рукой дугу, и стрела операторского крана послушно двинулась вслед за движением.

— Это не курорт. Это — съёмочная площадка. Каждый ваш шаг, каждое слово, каждый взгляд — записывается. Здесь нет частных разговоров. Нет мест, где можно побыть собой. Если вы думаете, что шепнуть соседу на ухо — это безопасно, — он усмехнулся, — ошибаетесь. Петлички ловят даже шёпот, а камеры снимают в 4К.

Он выдержал театральную паузу. Марина машинально коснулась воротника — прикрепленный по дороге микрофон-петличка неожиданно налился свинцовой тяжестью.

— Правила простые, — продолжил Руденко, беря со стола планшет. — Режим дня: подъём в семь, отбой в двадцать три. Запрещено покидать территорию виллы. Запрещено пользоваться личными телефонами, интернетом и любыми средствами связи с внешним миром. Запрещено вступать в романтические отношения с другими участниками.

Последнюю фразу он отчеканил по слогам. Позы участников мгновенно изменились: Никита усмехнулся, поймав взгляд Ани, а Софья нервно сцепила пальцы.

— За нарушение этого пункта, — Руденко поднял указательный палец, — дисквалификация и гражданский иск. Мы не шутим. У нас был прецедент, и он закончился для участников плачевно. Не повторяйте чужих ошибок.

Марина кивнула. Данный пункт она въедливо разбирала с адвокатом. Нарушать она не собиралась: она пришла делать карьеру, а не искать любовь.

Но тогда почему её взгляд снова скользнул в сторону Мак-

сима?

Он не поднимал глаз, скролля расписание на экранчике. И это равнодушие задевало сильнее, чем липкий интерес Никиты. Марина привыкла быть центром внимания. Демонстративное игнорирование отдавало фальшью.

— Теперь о приятном, — Руденко включил привычную белозубую улыбку. — Впереди недели испытаний. Каждое приносит баллы. Лидер рейтинга заберет кубок и главный приз. Но главное — любовь миллионной аудитории, которая открывает любые двери. — Он сделал шаг в сторону, освобождая пространство. — А пока — знакомьтесь. Вас всего шестеро. У вас есть час, чтобы узнать друг друга. Без подсказок, без сценария. Просто разговор. Но помните: мы смотрим.

За Руденко с мягким щелчком закрылась дверь. Повисла гулкая, натянутая тишина — пауза людей, знающих, что каждая их реплика уже пишется для эфира.

Опустившись на диван напротив Софьи, Марина включила стандартный рабочий оскал:

— Что ж, давайте знакомиться. Марина. Маркетолог. Бывший — пока не решила променять офисный опенспейс на публичность.

Аня первой подалась вперед:

— Аня. Я — фитнес-тренер. Пришла, чтобы проверить себя. И, — она рассмеялась, — показать маме, что я не просто умею делать планку.

Фраза прозвучала слишком отрепетировано. Аня явно готовила свою легенду заранее.

Никита вальяжно откинулся на подушки. В его ленивом взгляде прослеживался расчет: парень прикидывал, с кем выгоднее выстроить экранный роман.

— Никита. Спортсмен. Я здесь, чтобы побеждать. И чтобы доказать, что в этом шоу всё зависит от реальной силы, а не от капризов сценаристов.

Марина чуть не хмыкнула. Бунт против «сценаристов» выглядел слишком дешевой постановочной перчаткой.

Софья заговорила тихо, почти неуверенно:

— Софья. Я — художница. Иллюстрирую книги. Пришла... ну, просто интересно. Хочу понять, как устроены люди, когда за ними наблюдают.

В голосе Софьи не было фальши — редкое качество для кастинга.

Парень в очках, Денис, оказался IT-шником, пришедшим «прокачать софт-скиллы». Честно, но сухо.

Очередь дошла до Максима. Он медленно отложил планшет:

— Максим. Стратегический консультант. — Голос прозвучал густо и низко. — Я здесь за победой. Как и все.

Ни единого лишнего слова. Марина поймала себя на сканировании его черт: резкие скулы, темная щетина, синяки от бессонницы. Он выглядел так, словно его пытали камерами не первый месяц.

— И ты правда рассчитываешь победить, просто играя по правилам? — Вопрос вырвался вопреки контролю — чисто инстинктивная проверка на прочность.

Максим смерил ее долгим, тяжелым взглядом. Аня невольно заерзала, Никита издал неопределенный хмык.

— Я считаю, что пришедший сюда без стратегии проигрывает на старте, — в его ровном голосе прорезались стальные ноты. — А правила... правила нужны для того, чтобы демонстрировать их выполнение. На виду у камер.

Он едва заметно повел подбородком в сторону купольной камеры под потолком. Марина мгновенно считала подтекст: это была не реплика, а предупреждение о съемке.

Марина подавила подступивший к горлу ком:

— Дельный совет. Учту.

Дальше диалог потек по рельсам: тренировки Ани, спортивные рекорды Никиты, алгоритмы Дениса. Марина привычно отрабатывала роль «включенной слушательницы» — кивала, задавала уточняющие вопросы, держала лицом кадр.

Но фокусом оставался Максим. Он не влезал в беседу, лишь изредка кивая. На вопрос Ани о кулинарных навыках отрезал: «Нет. Но могу научиться». Без кокетства. Просто факт.

Эта отстраненность цепляла сильнее дешевого флирта Никиты. Максим не продавал себя публике.

Марина засекала еще один нюанс: сменяя адресата взгляда, Максим делал микропаузу. В секунду. Будто давал вре-

мя объективу перенавестись. Зачем человеку, играющему по правилам, постоянно отслеживать слепые зоны?

Час истек с появлением помощника режиссера. Руденко выглядел удовлетворенным:

— Отснято! Отличный материал. До вечера обживайтесь в комнатах, завтра — первый тур.

Народ зашевелился. Марина направилась к выходу, когда Максим буквально разрезал пространство рядом с ней. Задержавшись на полшага, он бросил едва слышно:

— Ты еще не понимаешь местную изнанку правил. Но поймешь.

Он ушел, не оборачиваясь. Замрев, Марина увидела, как его фигура свернула в технический служебный шлюз — зона, куда участникам под угрозой штрафа вход был закрыт.

Он прошёл мимо таблички «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» с полным хладнокровием. Ни один купол поворотной камеры даже не шелохнулся: Марина проверила — все объективы смотрели в противоположные стороны. Он знал их мертвые углы.

Максим вглухую нарушил регламент. Но сделал это настолько ювелирно, что для пультовой он остался невидимкой.

Впившись пальцами в ткань кофты, Марина ощутила ледяной озноб. Он учил ее послушанию, одновременно демонстрируя взлом системы. В ушах пульсировало: он видит изнанку. Знает бреши. И первой вспыхнувшей мыслью было:

я хочу знать эти бреши вместе с ним.

Глава 3. Первый контакт

Лаунж-зона на втором этаже — прямо над гостиной — представляла собой просторное помещение с панорамным остеклением, за которым темнел парк. Внутри — бескаркасные кресла, деревянный столик, стеллаж с томиками и плазма на стене, круглосуточно крутившая либо архивы прошлых сезонов, либо трансляцию из других зон виллы. Марина подметила деталь сразу: плазма не издавала ни звука, но картинка сменялась каждые пару минут — спальни, коридоры, кухня, коридор у туалетов. Она отвела взгляд, едва на экране мелькнула спальня Никиты: парень сидел на кровати с журналом. Знать, с какой периодичностью этот эфир идет в сеть, не хотелось.

Марина опустилась в кресло у окна, подальше от купольной камеры над дверью, медленно сканировавшей комнатный периметр. Здесь тени от штор давали хоть какое-то укрытие: пусть камера и фиксировала каждый вдох, свет бил не так беспощадно. Вытянув ноги, она сделала вид, что увлечена случайным романом с полки. На самом деле Марина не прочла ни строчки. Она вела наблюдение.

В комнату вошла Софья. Следом — Никита. На нем были спортивные штаны и белая майка, открывавшая рельефные плечи. Устроившись перед панелью, он принялся щелкать пультом. Никита скроллил каналы, пока не наткнулся

на трансляцию из пустой спальни Марины. Хмыкнул и перелистнул кадр.

— Тоска, — громко, в пространство, бросил он. — Первый день, а заняться нечем. Народ, сыграем в «Правду или действие»? Только без фальши.

— Без фальши здесь не выйдет, — тихо ронила Софья, опустившись на пуфик. — Нас пишат без перерыва. Мы тут перед собой-то честными быть не можем.

Никита фыркнул:

— Да брось. Прямой эфир смотрят единицы. А у монтажеров, — он неопределенно кивнул на экран, — своя рутина.

Марина оторвалась от страниц. Ей хотелось возразить, что именно монтажеры выщепляют каждую оговорку, но сдержалась. Никита не нёс угрозы — обычный шумный статист. Марина перевела взгляд на дверной проем, ожидая появление Максима.

Он появился спустя минуту. Бесшумный, как и всегда: темная футболка, потертые джинсы. Проигнорировав присутствующих, Максим устроился на подоконнике прямо за спиной Марины. Она не повернула головы, но пальцы сильнее впились в бумажный корешок.

Никита заметил Максима и присвистнул:

— О, суперзвезда пришла. Макс, ты сегодня вообще спал? Выглядишь так, будто всю ночь планеты считал.

— Считал, — ответил Максим ровно. — И кое-что насчитал.

— И что же? — Никита подался вперёд.

— Что ты слишком много разговариваешь.

Никита смутился на секунду, но тут же наигранно хохотнул:

— Острый язык. Засчитано.

Марина не выдержала и скользнула взглядом по его лицу. Максим смотрел прямо на нее — немигающе, без тени иронии. Этот взгляд заставил все тело завязаться в узел. Он не разглядывал — он препарировал. В памяти вспыхнул его недавний манёвр в служебном шлюзе и тихая фраза: «Ты еще не понимаешь местную изнанку правил».

Она сдалась и отвела глаза первой, не желая дарить ему ни грамма своего внимания.

Никита тем временем не унимался:

— Ладно, предлагаю игру. Правда или действие. Я начинаю. Марина, правда или действие?

Отказываться нельзя — эфир сочтет это за трусость. Марина развернулась к Никите, натянув безупречную маску:

— Правда.

— Отлично. Вопрос: зачем ты пришла на это шоу? По-настоящему.

Присутствующие замерли. Роботизированная головка камеры с тихим жужжанием взяла Марину в фокус. Два счета на выдержку — ровно столько нужно для создания драматической паузы без признаков растерянности.

— Я пришла за контролем, — выверенно произнесла она.

— Слишком долго обстоятельства рулили мной. Здесь я проверю, реально ли удерживать руль, когда ты на виду у страны.

Она сказала это честно — настолько, насколько позволяла себе быть честной перед камерами. Никита кивнул, довольный:

— Хороший ответ. Теперь ты, Максим. Правда или действие?

Максим не шевельнулся. Он всё так же сидел на подоконнике, скрестив руки на груди.

— Действие, — сказал он.

Никита ухмыльнулся:

— Ага! Тогда я хочу, чтобы ты подошёл к Марине, взял её за руку и посмотрел в глаза ровно десять секунд. Не отрываясь. Без шуток.

К щекам хлынул жар. Провокация Никиты попала в цель, и Марину взбесило, что тело выкатило предательскую реакцию.

Максим неспешно поднялся. Не сводя с нее глаз, он сделал два шага вперед, ворвавшись в ее личное пространство. Марина осталась в кресле: расстановка сил вышла неравной — он доминировал сверху, она застряла снизу.

Открытая ладонь, чуть согнутые пальцы. Марина сцепила зубы и опустила свою кисть в его. Тёплые, сухие пальцы смыкаются уверенно, без нажима — но вырваться из этого захвата невозможно.

— Десять секунд, — сказал Никита. — Время пошло.

Взгляд серых глаз сканировал, считывая слой за слоем. В нем не было льда — только предельная сосредоточенность. Марина держала визуальный контакт из последних сил, пока пульс молотил в висках, а оператор тележки наверняка зумировал их пальцы.

На пятой секунде он едва микроскопически качнул головой. Без слов: *«Я сдираю с тебя фасад»*. Марина судорожно вздохнула, но взгляд не отвела.

На восьмой секунде уголок его губ ползет вверх. В этом жесте не было флирта — только жесткий диагноз: *«Ты держишь марку, но внутри тебя колотит»*.

На десятой секунде разрыв контакта. Шаг назад.

— Время, — сухо отчеканил он, возвращаясь на подоконник.

Никита зашелся аплодисментами:

— Какая химия! Чистый эфирный сок! Марина, твой ход, давай экшен!

Кожа на ладони горела. Марина сжала кулак, пряча от камер остаточный жар.

— Я выхожу из игры, — выговорила она ровным тоном.
— Забавно, но мне пора.

Резко поднявшись, она бросила участников и направилась к выходу. Сзади долетел недовольный свист Никиты, но Марина даже не обернулась.

В коридоре она привалилась к холодному пластику стены. Сердце сбивалось с ритма. Максим провоцировал ее созна-

тельно. Он взламывал ее оборону, проверяя реакцию на тактильный контакт, — и она позорно сбежала. Прижав ладони к вискам, Марина приказала себе дышать. Это просто расчетливый соперник. Ничего личного. Но липкий страх уже пустил корни.

Позже, в спальне, телевизионная панель зажужжала, выкатывая вечерний дайджест — обязательный просмотр для всех участников. Марина замерла, уставившись в экран.

Шла стандартная нарезка: утренний въезд, приклеенная улыбка, приветствие Руденко.

А затем на экране появился лаунж. Игра.

Монтажная склейка переврала все. Режиссеры вырезали ее словесный вызов и поставили крупный план лица сразу в момент прикосновения. Распахнутые глаза, застывший дух... Без предыстории это выглядело не как выдержка, а как животный испуг. Как беспомощность жертвы перед хищником.

Максима же смонтировали с демоническим преимуществом: ровный взгляд, властное доминирование сверху и та самая полуулыбка, оставшаяся в кадре как триумф победителя. Финальный кадр — ее сжатые кулаки и бегство.

Земля ушла из-под ног.

Она ведь стояла насмерть! Смотрела в упор, не сдавая позиций! Но экрану было плевать на правду: видеоряд сделал из нее испуганную дурочку.

Открутив эфир назад, она пересмотрела эпизод. Крупный план ее сжатого кулака режиссер заиклил дважды, смакуя

каждую микросудорогу пальцев.

— Это не я, — прошептала она.

Но на экране была она.

Экраны погасли. Спальня погрузилась в мрак, разрезаемый лишь алой точкой на корпусе камеры.

Уткнувшись лицом в колени, Марина тяжело задышала. Вся ее защита, стратегические планы и выдержка разлетелись от пары профессиональных склеек. Режиссер назначил ее «жертвой».

Подняв взгляд на объектив, она прошептала в темноту:

— Вы решили слепить из меня слабое звено. Ну-ну.

Уставившись в потолок, она крутила две отравленные мысли: если они так наглы в первый день, во что превратится шоу дальше? И главное: знал ли Максим? Играл ли он на пару с режиссером, подставляя ее под нужный ракурс?

Ответа не было. Но завтрашняя встреча с ним пройдет по другим правилам. Теперь между ними встанет ледяная настороженность.

А красная точка над дверью беззвучно жрала ее сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.